РЕФЛЕКСИЯ

«Если здесь не будут оставаться талантливые люди, то Перми ничего не светит»

Известный пермский историк и культуролог Вячеслав Раков в программе «Герой дня» Общественного телевидения Пермского края дал интервью на тему «Гуманитарные технологии и региональная идентичность». Беседу вели руководитель ОТВ Елена Веселкова и руководитель интернет-ТВ-проектов, шеф-редактор прямых трансляций ОТВ Влад Воробьёв.

Пермь как иллюзия

Воробьев: Пермская культурная революция, на мой взгляд, существует в нашем понимании в виде образов. Это такая коллективная иллюзия или даже delusion — болезненное, навязчивое состояние того, чего нет. А вы как считаете, это была иллюзия (delusion) или реальность (reality)?

Раков: Я к этому проекту относился и отношусь двойственно, неоднозначно. С одной стороны, я понимал и понимаю сейчас, что это было форсированное вторжение извне. Это была попытка волевой модернизации сверху.

Изменить культурное пространство Перми, по мнению «варягов», можно было только посредством этого вторжения. Они ощущали себя некими инопланетянами или культуртрегерами, которые сейчас «пермскую деревню» разбудят. Деревня же хочет спать, пить, скандалить и смотреть свои сериалы. Они хотели сделать, как Максим Каммерер в романе Стругацких «Обитаемый остров».

У меня также двойственное отношение к Москве. С одной стороны, я понимаю, что без центра Россия — ничто. Россия сложилась как централизованное государство. Как игрушка, нанизанная на стержень: если выдернешь его, то она рассыпается.

С другой стороны, я понимаю, что Москва — это метрополия, а Россия — колония. Россия, если говорить реально, — это московская колония.

Воробьёв: Именно об этом пишет Александр Эткинд в своей книге «Внутренняя колонизация» — потрясающая книга, на стыке истории, философии, культуры.

Раков: В худшие моменты мне даже хочется сказать (но это эмоции): «Москва — это прободная язва России». Но потом я понимаю, что так легли кости. Такова наша история.

Изменить наш центростремительный сценарий непросто. Если, вообще, возможно. Поэтому культурное вторжение варягов в Пермь я воспринимаю, конечно же, неоднозначно. Если бы целью этой культурной революции была Пермь, реальное преобразование пермского культурного ландшафта, а они бы понимали себя не как культуртрегеры, не как небожители («Мы все сделаем сами, вы нам только не мешайте»), если бы это был акт служения, некая миссия, вот тогда — да. Но этого не получилось.

Иногда мне кажется, что Москва — это болезнь современной России, которую никто не лечит и которую отказываются замечать. По поводу Москвы и провинции не написано ни одной работы, ни одной социологической диссертации — со статистикой и прогнозами. Очевидно, что на эту тему наложен запрет. Этой темы касаться нельзя.

Вместе с тем, я понимаю, что всё самое главное в нашей исторической реальности, видимо, будет происходить в сфере культуры, в сфере сознания. И это будет происходить в тех странах или городах, где есть сильная человеческая среда, где есть некое поле высокого напряжения.

Если Пермь останется городом второго провинциального ряда, городом, из которого уезжают самые талантливые и самые деятельные, у неё мало шансов на приличное будущее. Есть первый провинциальный ряд, куда можно отнести Екатеринбург, Новосибирск, Нижний Новгород. Санкт-Петербург — это вообще особый случай. Это «инь» московского «ян», как я это называю. А второй ряд — это Пермь, Краснодар, Ростов, Волгоград, Саратов.

Если Пермь останется городом второго провинциального ряда, если в ней не будет происходить ощутимых перемен в сознании — личном и общественном, — тогда у неё мало шансов стать интересным, живым местом, где хочется остаться. И тогда возглас чеховских трёх сестёр — «В Москву, в Москву!» — станет лозунгом тех, кто не захочет мириться с блёклым провинциальным существованием. Если в Перми не будут оставаться талантливые люди (здесь я согласен с Олегом Чиркуновым и Борисом Мильграмом), то Перми, по большому счёту, ничего не светит.

Я согласен с мыслью, что проблемы культуры сейчас стоят на первом месте. Но, к сожалению, жизнь заставляет нас думать преимущественно о других вещах. Культура всё более становится непозволительной роскошью. Её могут позволить себе лишь очень богатые города, прежде всего Москва и Санкт-Петербург. Поэтому они и отдаляются от нас всё больше. Выигрывают в настоящей ситуации только они. Но, хочется добавить, при этом проигрывает Россия. И с каждым годом — со всё большим счётом.

Воробьёв: В Перми последние 10 лет царит «варяжский культ», с которого начиналась, кстати, русская цивилизация, когда пришлые варяги навели порядок.

У нас в Перми сначала «варяги» от культуры пришли из Москвы и попытались сделать революцию. Теперь пришли политические «варяги» из другого региона, и налицо открытое противостояние нашего истеблишмента и пришлых политиков. А гуманитарии опять в стороне.

Веселкова: Пермская интеллигенция — очень клановая и раздробленная. Одни изгоняли Гельмана, другие работали с ним. Но сейчас культурная оппозиция тоже расколота. Одни, более буржуазные, говорят, что им нужно современное искусство, другая часть совершенно консервативна, для них Чиркунов, Гельман, Мильграм — абсолютное зло. Но у всех есть потребность родить что-то взамен. Речь идёт о каком-то большом культурном проекте, чисто нашем, подлинном, пермском. Все хотят родить пермский миф. Но не получается.

Воробьёв: Могут ли, вообще, пермские гуманитарные университетские технологии, профессура, предложить свою модель культурного развития региона? Помните, был проект «Пермь как текст» Владимира Абашева. Эта книга осталась в университетском дискурсе или попала в более широкие слои интеллигенции?

Раков: Это был не столько проект, сколько прекрасная книга, которая прояснила, отрефлексировала то, что прежде рефлексии не подвергалось.

До 1990-х годов Пермь вообще не делала попыток размышлять по поводу самой себя. В 1990-е региональное самосознание проснулось. И книга Владимира Абашева — самый яркий момент этого процесса.

Кстати, между книгой «Пермь как текст» и Маратом Гельманом был ещё Алексей Иванов. Его нельзя пропускать. Он попытался создавать действительно серьёзные культурные проекты. Выйдя за пределы собственно писательства, он стал ещё и культурным продюсером.

Воробьёв: Но он ведь дверью хлопнул! В Перми не нашлось нескольких миллионов рублей (это копейки) на Иванова, в то время как на «Белые ночи» тратятся сотни миллионов рублей. Упустили. Случился разлом: славянофильство со стороны Иванова и западничество со стороны «варягов».

Раков: Я не думаю, что Алексей Иванов — принципиальный славянофил и почвенник. Мне кажется, он в не меньшей степени — практический человек, достаточно рациональный и деятельный. Он вполне современен.

Алексей Иванов настаивал на том, что модернизация Перми как города, как человеческого сообщества должна происходить на пермской почве, как нормальный синтез традиционного и нового.

Алексей Иванов с его книгами, с его фильмами применительно к Перми — это упущенная возможность. Это можно поставить в упрёк не только команде Марата Гельмана (там были, видимо, принципиальные разногласия), но и пермской власти.

Я думаю, поддержи Алексея Иванова наша власть — у нас впервые состоялся бы серьёзный культурный проект на собственной культурно-исторической основе. Этот несостоявшийся проект был, скорее всего, альтернативен «актуальному» проекту Гельмана. Хотя в принципе эти проекты могли бы дополнить друг друга.

Воробьёв: Не состоявшийся проект Алексея Иванова касается чего? Это «горнозаводская держава»? Ермак? Эти проекты визуальны. На их основе можно было создавать маршруты по реке Чусовой, снимать фильмы. Добротные сериалы, сравнимые по качеству с дорогими американскими сериалами. Мог бы родиться миф человека горнозаводского, который защищает себя, матушку-землю исследует.

Раков: Да, прежде всего это идея горнозаводской цивилизации. Хотя это дискуссионная тема. Феномен горнозаводской цивилизации не исчерпывает всего культурно-исторического своеобразия пермского региона. Тем не менее это какая-то важная составляющая образа нашего края.

Книги Алексея Иванова вызвали очевидный рефлексивный сдвиг. За этим мог бы последовать и сдвиг «технологический»: в этом несостоявшемся проекте были заложены технологии, которые могли дать импульс созданию неких культурных инфраструктур.

Воробьёв: Гельман сделал ставку на другое — на карнавал. Чтобы на улицу вышли миллионы, повеселились. Хотя это не ново для Перми, продюсер Валерий Стариков делал карнавал, который потом исчез куда-то. Вообще, могут ли пермские гуманитарные технологии создать полноценную карнавальную культуру? Сможет ли она прижиться у нас? Карнавал — это исторические культурные меседжи. На Западе в каждом городе — свой карнавал, где разнообразные организации предъявляют визуальные образы, смыслы.

Раков: Мне кажется, современные гуманитарные технологии только этим и занимаются — карнавализацией жизни. Культура сегодня интересна большинству только как развлечение.

Проект москвичей, конечно, насытил пермскую жизнь стихией игры. Я не хочу сказать, что это было плохо. Я никогда не жил более интересно, чем в эти годы, с 2008-го по 2012-й. Но, к сожалению, не было чего-то основательного. Всё это не пошло вглубь. Хотя москвичи, насколько я понимаю, пытались сделать что-то и в глубинке.

Воробьёв: Ни галереи, ни набережной не было сделано. Я к Гельману хорошо отношусь. Он хороший культуртрегер, яркий специалист в своей области. Но мне не понятно, почему фестиваль «Белые ночи» сделали не на набережной, а на эспланаде? Можно было на эти огромные деньги, которые выделялись на «Белые ночи», сделать набережную с инфраструктурой для ежегодных фестивалей. Открытые сцены, бары, рестораны, городской сад в японском стиле, чтобы эти инвестиции остались пермякам.

Раков: Да, культурный проект не пошёл вглубь. Это может показаться смешным: после «культурной революции» пермякам остались только новые названия улиц: Монастырская, Пермская, Петропавловская, Екатерининская. Это единственный реальный результат.

Воробьёв: А вот до улицы Ленина так и не добрались. И до памятника Ленину у театра оперы и балета. Там Чайковский должен стоять.

Раков: Я бы этому только аплодировал. Но в нашем городе переименовать улицу Ленина пока невозможно. Как и поменять памятник Ленину на памятник Чайковскому. Для многих это по-прежнему святое. Мы к этому не готовы.